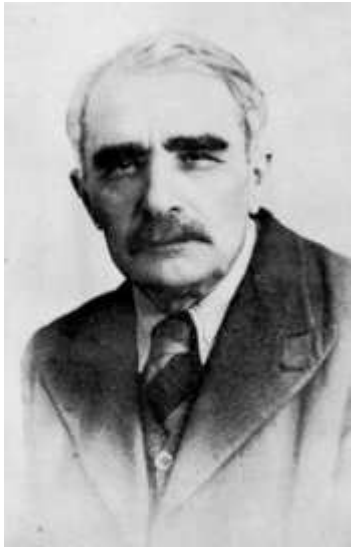
Биробиджанская звезда. № 38 (17128) от 29.05.2013

Об одном явлении исторического масштаба…, или Путешествие Дер Нистера из Москвы в Биробиджан

(Продолжение. Начало в "БЗ" № 36 от 22.05.2013)

Русско-еврейская «склеенность»

В те несколько недель в ЕАО Дер Нистер буквально излучал атмосферу своей особой миссии. Как уже говорилось, его предложения были поддержаны на самом высоком уровне (не считая помех со стороны секретаря обкома по пропаганде Зиновия Брохина, о чем с неприязнью пишет Эмиот). Помимо этого Дер Нистер удостоился впечатляющих проявлений признательности. На литературных вечерах, как в областном центре, так и в переселенческих поселках, при его входе в зал публика вставала и приветствовала его оглушительными овациями. Биробиджанский ГОСЕТ специально инсценировал его рассказ «Дед и внук». Герой этого рассказа, старый раввин из захваченного гитлеровцами польского местечка, вынужден именно в Судный день вести свою паству на смертную казнь. В руках у него древний свиток Торы, тело закутано в талес. Параллельно к виселице ведут и его внука-коммуниста. Рабби отказывается осквернить портрет Ленина, а внук отказывается осквернить свиток Торы. На нацистское приветствие «Хайль Гитлер» рабби отвечает вечным «Шма, Исроэль» и оказывается повешенным рядом с внуком.



Для историков старой школы времен холодной войны этот рассказ, как и сама поездка писателя в Биробиджан со всем ее малопонятным для сегодняшнего наблюдателя пафосом, может послужить отличным примером вымученного симбиоза или «советско-еврейской склеенности», как выразился в уже упомянутой газете «Давар» ивритский писатель Ицхак Яцив о позднем творчестве Давида Бергельсона, намекая на его ангажированность и конформизм (Яцив иронично использовал хасидское понятие «двекус» - состояние близости к Всевышнему). Дер Нистер, действительно, никогда не противостоял советскому режиму и совершенно искренне любил русскую культуру. На его столе Грец, Бубер и каббалистические трактаты, которые поэт Иосиф Керлер заметил у него в поезде, мирно соседствовали с Чеховым. Эмиоту, как выходцу из Польши, было тоже сложно принять эту если не советскую, то, по крайней мере, русско-еврейскую «склеенность». С оттенком недоумения он рассказывает, как на попытку удивить его наличием в биробиджанской библиотеке редкой варшавской антологии литературы на идише Дер Нистер пренебрежительно заметил по поводу одного из авторов, что тот не стоит внимания, поскольку «не читал Белинского». Вместе с тем в отличие от тель-авивского журнала «Мознаим», охарактеризовавшего Дер Нистера как человека, подавляющего свои национальные чувства, Эмиот разглядел, что послевоенное возобновление переселения в Биробиджан было для писателя вовсе не щедрым жестом властей по отношению к евреям, как это воспринимали его коллеги в 30-е гг., а маленькой победой в постоянной схватке с ассимиляцией.

Впрочем, по мнению Эмиота, Дер Нистер плохо понимал природу советского строя и наивно, по-местечковому, полагался на силу уговоров на личном уровне и на возможности провинциальных властей. Выражением этой наивности Эмиоту показался сбор подписей родителей в поддержку школьного обучения на идише, организованный Дер Нистером в областном центре. Однако эти выводы явно сделаны постфактум, поскольку на тот момент шаги Дер Нистера оказались довольно эффективными, чего Эмиот не мог не знать. Писатель прекрасно понимал, где живет и с кем имеет дело. «Дай-то бог, чтоб этот пузырь не лопнул», - с недоверием отозвался он об обещаниях Бахмутского в присутствии Керлера. Бахмутский, несмотря на давление со стороны секретаря по пропаганде Брохина и намеки «органов», проявил себя человеком слова и гражданского мужества: уже в конце августа 1947 г. он подробно изложил в московской газете «Эйникайт» (орган ЕАК) программу образования на идише как «одну из важнейших задач в развитии еврейской советской культуры» (расширение сети национальных школ, открытие вуза «на родном языке», привлечение со всей страны еврейских преподавателей и студентов и перевод в Биробиджан кабинета еврейской культуры при Академии наук УССР), а в ближайшем учебном году санкционировал введение уроков идиша для нееврейских детей в нескольких школах области (в частности, в Валдгейме).

«Эмесе майсэ»

Объяснение биробиджанской «гиперактивности» Дер Нистера, до того упорно дистанцировавшегося от любого проявления общественной деятельности, нужно искать не в понимании им природы режима, а в духе хасидизма, который, как пепел Клааса, стучал в его сердце. Сама его поездка в Биробиджан и другие «наивные» шаги, ставшие с помощью прессы достоянием широкой общественности, представляли собой по хасидской терминологии «эмесе майсэ», что можно перевести в данном случае как «настоящее действие», в противовес симуляции. По сути, как личным примером, так и через свои очерки он указал направление для «нового рождения» своего народа, подразумевая прежде всего исход евреев из очагов геноцида и антисемитизма. В этом Дер Нистер был не одинок: в ноябре 1946 г. в Биробиджан прибыл бывший режиссер и актер «Виленской труппы» Алекс Штейн, человек редкого таланта, блиставший до войны на европейских сценах. По свидетельству его жены, актрисы Юлии Фляум, Штейн принял приглашение Биробиджанского ГОСЕТа, поскольку не желал больше «дышать смрадным воздухом Запада».

Живущий сегодня в Реховоте (Израиль) писатель Миша Лев, сопровождавший второй винницкий эшелон до Москвы как корреспондент «Эйникайт», рассказал мне в частной беседе, что Биробиджан казался тогда Дер Нистеру «последней соломинкой», хрупкой надеждой на выживание еврейской культуры в СССР. Его призывы к сохранению еврейского характера автономии были тоже «настоящим действием», а не пустыми лозунгами. После многолетнего молчания это стало его оригинальным протестом против конформизма тех, кого в разговоре с Эмиотом он назвал «современными евреями». Кого он имел в виду? Судя по всему, советско-еврейских культуртрегеров в целом, включая, видимо, и себя самого, - запуганных и неуверенных, вынужденных постоянно идти на компромисс. «В шатре Торы надо уметь умирать», - заявил он своему собеседнику, выросшему в хасидских кругах и способному понять его образный язык. Он подразумевал известный талмудический постулат, объясняющий библейскую цитату «Человек да умрет в шатре» следующим образом: «Сказанное в Писании осуществляется только для того, кто готов умереть за него». На фоне растущего ренегатства Дер Нистер призывал к «настоящему действию»: кто в самом деле хочет еврейской культуры, тот должен быть готов бороться за нее.

Протоколы допросов биробиджанских писателей, арестованных два года спустя, содержат сведения о дополнительных «наивных» шагах Дер Нистера в Биробиджане. Ничего особо «революционного» в них не было, поскольку ценность национальной культуры как основы и смысла существования автономии как таковой воспринималась тогда нормой, а расхождения могли возникнуть только вокруг характера этой культуры. Так, работникам «Биробиджанер штерн» он сделал публичный «выговор» за то, что их газета мало пишет о еврейской составляющей жизни ЕАО, слишком увлекаясь промышленностью и сельским хозяйством. На встрече с деятелями театра, литературы и просвещения писатель пристыдил публику за недостаточное внимание к еврейским школам. В частных беседах он говорил о необходимости введения того, что сегодня назвали бы «исправляющей дискриминацией» по отношению к школам области с преподаванием на идише. «Ключевой фигурой в развитии еврейской культуры является школьный учитель», - настаивал Дер Нистер, призывая писателей и журналистов области «подчинить этому всю свою работу». В сущности, эти скромные заявления о чрезвычайной важности воспитания подрастающего поколения для национальной культуры обозначили нижнюю планку в деле сохранения ЕАО как «идише хейм», уютного дома для евреев - как он романтично выразился, по свидетельству Керлера, на встрече с Бахмутским. Не повышение статуса области до республики, о чем неоднократно говорили различные функционеры, не первая в мире еврейская опера, как мечтали когда-то идеалисты 30-х гг., а всего-навсего школа. Здесь - рубеж, заберут эту «малость» (что, собственно, и произошло год спустя), и конец всему предприятию.

На последней встрече Дер Нистера с биробиджанской интеллигенцией на квартире у писателя Бузи Миллера августовским вечером 1947 г. царила атмосфера грусти и подавленности. Об этом тоже сообщают вышеупомянутые протоколы допросов, в основном с подачи «добровольных помощников», пара-тройка которых затесалась на эту встречу. Дер Нистер говорил об «особой роли Биробиджана в еврейской истории», о каких-то новых перспективах, но собравшихся не оставляло ощущение, что за этим кроется осознание того, что еврейская автономия, пусть даже почти номинальная - это едва ли не последнее место в стране, где еще можно было открыто обсуждать проблемы национального развития.

Дер Нистер уехал той же ночью, но оставался в центре биробиджанского дискурса вплоть до своего ареста в Москве 19 февраля 1949 года. Его запротоколированные слова и поступки оказались среди главных аргументов в судебных процессах против его биробиджанских «хасидов» - Израиля Эмиота, Бузи Миллера, Гешла Рабинкова, Любы Вассерман, Бера Слуцкого, Хаима Мальтинского, Наума Фридмана, а также против Бахмутского, «осмотрительного» Брохина и др. Фигурировали они и в московском «Деле ЕАК» как подтверждение коварных замыслов по «развертыванию националистической деятельности». Сам Дер Нистер, не выдержав издевательств, скончался в лагерной больнице, буквальным образом реализовав ту самую библейскую максиму «Человек да умрет в шатре», которую он совсем не теоретически обсуждал в беседах с Эмиотом.

Бер (Борис) Котлерман